

В.И. ДУДИНА

ОТ ПАНОПТИКОНА К ПАНСПЕКТРОНУ: ЦИФРОВЫЕ ДАННЫЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЖИМОВ НАБЛЮДЕНИЯ

ДУДИНА Виктория Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (viktoria_dudina@mail.ru).

Аннотация. Распространение цифровых данных представляет собой вызов социологическому знанию, требующий не только развития новых методов, но и пересмотра концептуальной социологической оптики. Взяв за основу идею о роли инструментов наблюдения в развитии научного знания, автор анализирует переход от режима паноптического наблюдения как ведущего принципа управления и организации дисциплинарной власти в социальных системах общества модерна к режиму панспектрального, или текучего, наблюдения, возникающего вследствие развития цифровых технологий и позволяющего осуществлять мониторинг и предсказание различных социальных паттернов на основании неструктурированных данных. Рассматриваются основные виды наблюдения, противоположные паноптическому, – синоптическое и социальное наблюдение, свойственные социальному взаимодействию, опосредованному цифровыми технологиями. Делается вывод о том, что в условиях трансформации режимов наблюдения эффективное использование исследовательских возможностей, предоставляемых цифровыми данными, осуществимо лишь в случае переосмысления эпистемологической концепции наблюдения в социальных науках.

Ключевые слова: цифровые данные • паноптикон • панспектрон • текучее наблюдение • синоптикон • социальное наблюдение • социальная жизнь методов

DOI: 10.31857/S013216250002782-3

Новый вызов социологическому знанию. В настоящее время мы являемся свидетелями трансформаций в характере доступных исследователям данных, происходящих под влиянием развития цифровых технологий. Это явление, которое уже получило название «революции данных», предполагает не только изменения в способах сбора, хранения и передачи данных, но и трансформацию исследовательской методологии во многих областях знания. Однако складывается впечатление, что цифровые данные, вдохновляющие представителей многих наук на методологические новации, становятся очередной проблемой социологов, поскольку они с трудом вписываются в традиционные теоретические модели и входят в противоречие с существующими средствами описания в социологии. Их распространение, с одной стороны, предоставляет социологам широкие возможности по исследованию социальной реальности, а с другой, бросает социологическому знанию новые вызовы. Рост объемов цифровых данных о социальных процессах, к которым имеют доступ в первую очередь акторы и институты, занятые обслуживанием потребностей так называемой цифровой экономики, и развитие новых методов работы с данными вне сферы социологии ведет к тому, что проблематика, традиционно изучавшаяся социальными науками, все чаще становится объектом интереса для представителей других областей знания. Значительная доля исследований с использованием цифровых данных проводится специалистами в сфере компьютерных технологий, активно осваивающими поле, до сих

пор принадлежавшее представителям социальных наук. По мнению французского социолога Д. Булье, риск состоит в возможном исключении социальных наук из области производства социальной рефлексии [Boullier, 2016]. Отечественные исследователи тоже разделяют эту обеспокоенность: «Во-первых, генерирование разного рода информационного шума, описывающего результаты таких “сетевых наблюдений”, ведет к определенной инфляции валидных исследовательских данных, по крайней мере в глазах части потенциальных заказчиков и потребителей, подрывая сложившиеся основы исследовательской роли социолога. Во-вторых, несколько замедленная реакция специалистов по методологии социальных наук на быстрые изменения способов и технологий онлайн репрезентации социальной информации приводит не только к утрате исследовательских возможностей, но и к снижению статуса социологической методологии в глазах представителей других наук» [Девятко, 2010: 29]. Распространение новых данных входит в противоречие с существующими средствами описания в социологии, что заставляет говорить о необходимости разработки новой эпистемологии социальных наук [Китчин, 2017; Kitchin, 2014; McFarland et al., 2016; Corti, Fielding, 2016; Halford, Savage, 2017] и даже о фундаментальном переопределении их предмета: «Социальные науки, выстроенные преимущественно вокруг объяснений действий, сталкиваются с новыми данными, позволяющими отслеживать и записывать сложные взаимодействия в социальном мире. Подобная метризация [metricization] социальной жизни, связанная с анализом больших данных, позволяет выявлять модели социального порядка, процессов и взаимодействий в таком масштабе, что это может потребовать фундаментального переопределения предмета социальных наук» [Burrows, Savage, 2014: 3].

Существующие социологические теории и концепции были разработаны в то время, когда большую часть эмпирических данных социологи получали через опросные методы или анализ статистики. Несколько особняком стоят так называемые нереактивные методы, предполагающие фиксацию «следов», оставленных человеком без вмешательства исследователя (подробнее см.: [Lee, 2000]), однако их использование в доцифровую эпоху было столь ограниченным, что не меняло общей картины социологических методов как по преимуществу опросных. Благодаря им наши коллеги долгое время имели уникальный доступ к информации о социальных процессах, чем обуславливалась, в частности, высокая востребованность социологической экспертизы, например, в сфере маркетинга и электоральных исследований. Данным, собираемым опросными методами, свойственны реактивность, использование специальных стимулов для получения информации, структурированность в соответствии с задачами исследователя, индивидуализированность (т.е. единицей сбора информации является индивид, предоставляющий факты, описания и объяснения). Цифровые нереактивные данные обладают принципиально иными характеристиками, их «особенностью <...> является <...> естественность и спонтанность, отсутствие искусственной ситуации опроса, устранение влияния интервьюера и его возможных ошибок. В то же время цифровые данные имеют ряд характеристик, которые отличают их от традиционных данных, с которыми долгое время работали социологи, что порождает множество сомнений относительно возможностей их полноценного использования в социологических исследованиях» [Дудина, 2016: 23]. К. Льюис выделяет три ошибки (*fallacy*) цифровых данных: ошибка репрезентативности, ошибка медиации и ошибка контекста [Lewis, 2015]. Во-первых, они не репрезентативны, поскольку их оставляют только те, кто пользуется соответствующим ресурсом. Кроме того, они представляют события, а не отдельных индивидов. Во-вторых, цифровые данные зависят от особенностей конкретного ресурса. Будучи произведенными пользователями спонтанно, они оказываются непрозрачными по сравнению с данными, собранными традиционными социологическими методами под четкую исследовательскую задачу. В-третьих, сама цифровая среда специфическим образом конструирует данные. Они отражают свойства цифрового посредника, а не реального мира, поскольку цифровой контекст диктует специфические нормы и правила.

С перечисленными характеристиками цифровых данных трудно не согласиться, однако возникает вопрос: не является ли оценка их особенностей как недостатков

следствием абсолютизации опросных методов сбора данных? Не происходит ли так, что последние, доказав свою эффективность, навязывают критерии качества и тем самым ставят под сомнение и исключают другие исследовательские технологии? С этой точки зрения указанные выше недостатки цифровых данных не представляются столь фатальными. Да, они не всегда могут быть сопоставлены с индивидуальными характеристиками пользователей, но всегда ли установление подобных связей дает нам действительно ценную информацию о социальной реальности? Да, цифровой посредник влияет на особенности цифровых данных, но в то же время он делает событие видимым и позволяет отслеживать генерируемые естественным образом следы, которые без него были бы недоступны для наблюдения. Да, цифровые данные конструируются в цифровом контексте, но разве данные, собранные опросными методами, в свою очередь, не конструируются в контексте индустрии этих методов, выстроенной вокруг соответствующих технологий и исследовательских инструментов?

Необходимо помнить, что любые данные существуют не сами по себе, а производятся в соответствии с возможностями инструментов сбора, анализа и интерпретации. Цифровые данные будут давать искаженную картину, если подходить к ним с оптическими инструментами, предназначенными для данных, получаемых опросными методами. Поэтому вместо того, чтобы рассматривать их исключительно с точки зрения ошибок и ограничений, неизбежно сопровождающих их использование в рамках традиционных языков социологического описания, имеет смысл вооружиться иной концептуальной оптикой, позволяющей наиболее полно раскрыть предоставляемые ими возможности исследования социальной реальности.

Роль инструментов наблюдения в развитии научного знания. Научные революции случаются тогда, когда новые данные не удается концептуализировать в рамках прежнего языка описания, а старые теории не справляются с объяснением новых результатов. В то же время сами новые данные часто могут быть получены только благодаря новым инструментам наблюдения. Так, изобретение микроскопа, позволившего увидеть явления микромира, привело в итоге к трансформации основных естественнонаучных представлений. Понимание научного знания как укорененного в материальных структурах и зависимого от материальных и технических факторов его производства предполагает, что естественным наукам свойственна постоянная работа над совершенствованием исследовательского оборудования, которое, интегрируя прошлые достижения, расширяет возможности наблюдения за окружающей реальностью и тем самым создает основу для дальнейших исследований и открытий. Одна из базовых функций лабораторного оборудования в естественных науках – через производство следов с помощью записывающих устройств делать видимыми феномены, прежде скрытые от глаз ученых. Оборудование, трансформирующее практики наблюдения, создает условия для «научного открытия». Например, линзы. «Собранные одним образом, они порождают телескоп, а другим – микроскоп; объединенные с зеркалами и призмами, дают возможность анализа светового спектра. Соединенные с техниками химической лаборатории для нагревания и сепарации материалов, дают возможность спектрального анализа элементов. В соединении с телескопом, получается исследование спектров звезд» [Collins, 1994: 171]. Развитие научного знания в значительной мере может быть рассмотрено через призму развития инструментов наблюдения, которые, в свою очередь, трансформируют представления о реальности и приводят к изменению языка описания в науке.

Если для естественных наук связь производимого знания с особенностями оборудования не вызывает сомнений, то для социальных наук зависимость результатов от материальных сетей и технологий не столь очевидна. Роль инструментов наблюдения в последних часто исполняют теории. В этом случае наблюдаемость трактуется не как следствие развития исследовательских технологий, а как результат применения определенной концептуальной оптики, позволяющей схватывать черты социальной реальности, не замечаемые в рамках повседневности. При таком подходе объекты социальных наук предстают, по сути, эпифеноменами концептуальных структур наблюдателя, что не оставляет места для рассмотрения роли технологий и оборудования в производстве знания.

Однако в последнее время ученые, занимающиеся исследованием перформативности научного знания, все чаще задаются вопросами: как объекты социальных наук конструируются исследовательскими методами и технологиями и какую роль эти методы и технологии играют в производстве наблюдаемой социальной реальности? Поиск ответов на них составляет ключевую идею программы *социальной жизни методов* (social life of methods), разрабатываемой Дж. Ло, Т. Осборн, Н. Роузом, Е. Рупперт, М. Саважем и Д. Урри [Law, Savage, Ruppert, 2011; Law, Urry, 2004; Osborne, Rose, 1999; Ruppert, Law, Savage, 2009; Law, 2009]. Источником возникновения данного направления послужили исследования науки и технологий, а очередным стимулом к развитию стало распространение цифровых технологий. Для него характерно принципиально иное понимание научного метода, рассматриваемого как совокупность практик, являющихся частью социального мира. Будучи механизмом производства объективности, метод позволяет физически продемонстрировать феномены, ранее не наблюдаемые. То, что прежде считалось «открытием», в рамках обсуждаемого направления трактуется как «создание» нового явления или новой версии реальности с помощью определенных методов, причем обычно побеждает та версия реальности, в создание которой было инвестировано больше ресурсов. Применительно к социологии справедливость этого тезиса подтверждается, например, широким распространением массовых опросов, «признанных» более эффективным, по сравнению с другими социологическими методами, средством описания социальной реальности и контроля над ней. «Оглядываясь назад, мы можем увидеть, как сторонники массовых опросов выиграли эту битву благодаря тому, что смогли продемонстрировать эффективность своих технологий агентам, обладавшим властью. И хотя они водрузили над своей победой флаг науки, на их стороне была в том числе и экономическая эффективность» [Savage, Burrows, 2007: 891]. Так, согласно Т. Осборн и Н. Роузу, феномен общественного мнения представляет собой артефакт технических процедур. По мнению этих авторов, говорить об организации социологов вокруг исследовательских технологий стало возможным после открытия Дж. Гэллапом в 1935 г. Американского института общественного мнения. Опираясь на идеи Р. Коллинза, они делают вывод о рутинизации технологии, включающей в себя ряд практических манипуляций, которые воспроизводят исследуемый феномен, вследствие чего возникает быстро движущийся исследовательский фронт, усиливается объективность самого феномена и производящих его методов, например, репрезентативной выборки [Osborne, Rose, 1999: 377]. Значимость последней для социальных наук XX в., считают Осборн и Роуз, сопоставима со значимостью телескопа для науки XVI в., поскольку именно она позволяет представить мнение опрошенных в качестве мнения всего общества. Методы массового опроса, и прежде всего репрезентативная выборка, позволили «сконструировать» такой феномен, как просчитываемое и калькулируемое общественное мнение, обусловившее принципиально новую наблюдаемость общества и тем самым оказавшее влияние на переструктурирование практик управления социальной и политической жизнью.

В своей недавней работе Д. Булье рассмотрел влияние развития методов квантификации на характер доступных социологам данных и изменение основных конвенций социальных наук. Появление статистики и способов фиксировать отдельные социально-демографические переменные, получаемые из официальных источников в ходе переписей населения, сделало возможной идею «общества», способного быть подсчитанным и измеренным. Между производителями данных из государственной администрации и социальными науками сформировалась своего рода конвенция: вместе они *создавали* такую вещь, как «общество» – объект, который может отслеживаться государством для целей управления и объясняться с научной точки зрения [Boullier, 2016: 7]. С появлением массовых опросов реальность социологии начинает выстраиваться вокруг феномена общественного мнения. Гэллап в сфере рынка и Лазарсфельд в академической науке обеспечили общество методами, позволившими ему анализировать и репрезентировать себя в новой форме – в форме мнений. Говорить о появлении мнения стало возможным лишь с появлением методов для его измерения, а контроль СМИ и их способность производить

унифицированную аудиторию на национальной территории помогли оформиться этому методологическому ансамблю. «Целое», выявляемое опросами общественного мнения, фактически представляет собой публику, формируемую масс-медиа. Именно это позволяет аудитории проявляться в форме общественного мнения и делает последнее видимым и измеряемым [Boullier, 2016: 11]. Сейчас, по мнению Булье, мы являемся свидетелями зарождения третьего поколения социальных наук, вынужденных учитывать специфику данных, порождаемых цифровыми сетями.

Понимание социальной науки как науки об «обществе» или «мнении» сформировалось в специфическом политическом и институциональном контексте, в условиях использования исследовательских техник, доступных в то время. Появление возможности собирать и анализировать цифровые данные ведет к существенной трансформации социологического наблюдения. Осмысление сути этого процесса может дать ключ к разработке новой концептуальной оптики и к «переопределению» предмета социальных наук, о чем мы упомянули в начале статьи. Значения цифровых данных не самоочевидны и требуют создания не только специальных методов для их извлечения, обработки и анализа, но и нового языка описания, а отправной точкой здесь может послужить изучение того, как цифровые технологии меняют сферу наблюдаемого. Первым шагом на пути к концептуализации нового для социальных наук типа данных, становящихся благодаря цифровым технологиям все более доступными для исследователей, может стать понимание трансформации режимов наблюдения в цифровом обществе. Эти режимы делают наблюдаемыми те аспекты социальной жизни, которые прежде были недоступны для наблюдения и поэтому плохо вписываются в существующие концептуальные модели.

Трансформация режимов наблюдения под влиянием цифровых технологий. Статистика и результаты опросов вносят вклад в производство наблюдаемого общества. Чем лучше собираются статистические данные, тем более полную картину мы имеем и тем потенциально лучше можем осуществлять управление. Опросные методы позволяют фиксировать мнения, добавляя к общей картине аспекты, не выявляемые с помощью статистики, и позволяют предсказывать определенные тенденции в поведении больших групп людей или их реакции на конкретные события. И статистика, и опросы являются инструментами власти-знания, всегда связанного с теми или иными технологиями наблюдения. Социология «общества», как и социология «мнения», о которых пишет Булье, покоятся на метафоре «паноптического» наблюдения, представляющего собой идеальную модель власти-знания. Данную метафору использует М. Фуко при описании сущности дисциплинарной власти. Он же, в свою очередь, позаимствовал ее у И. Бенатама, видевшего в паноптиконе способ организации идеальной тюрьмы: охранник помещается в башню, расположенную в центре, и может одновременно наблюдать за всеми заключенными, сам оставаясь для них невидимым. По сути, *паноптикон* – это пространство, сконструированное таким образом, чтобы обеспечить наблюдателю полный обзор.

С развитием цифровых технологий принцип паноптического наблюдения – ведущий принцип управления и организации дисциплинарной власти в социальных системах общества модерна – претерпевает существенные трансформации. Внимание к этим трансформациям было привлечено М. Постером, предложившим идею *суперпаноптикона* – новой, усовершенствованной с учетом возможностей киберпространства версии паноптикона, в которой отпадает необходимость особой организации пространства и прямого принуждения: «В отличие от паноптикона, суперпаноптикон осуществляет свою работу без усилий. То, что Фуко называет “капиллярным” расширением власти на все пространство дисциплинарного общества, сегодня гораздо более совершенно. Телефонные кабели и электронные схемы, пересекающие и опутывающие наш мир, представляют собой щупальца суперпаноптикона. Они превращают наши действия в расширенный дискурс наблюдения, наше приватное поведение – в публичные заявления, наши индивидуальные дела – в коллективный язык» [Poster, 1995: 87]. Подключение к сетям и электронным базам данных становится новым способом контроля и осуществления дисциплинарной власти.

Однако использование метафоры паноптикона, даже с приставкой *супер*, применительно к новым практикам наблюдения в цифровой реальности вызывает возражение по причине принципиально иной конфигурации упомянутых практик. Наиболее ярко эта мысль выражена у родоначальника термина *киберпространство*, писателя-фантаста У. Гибсона: «Паноптикон – неувядающая метафора в обсуждениях цифрового наблюдения и дата майнинга, но она не подходит для описания таких вещей, как Google. Бентамовское всевидящее око смотрит вниз из центральной точки, это взгляд викторианского надзирателя. В Google мы одновременно оказываемся и наблюдаемыми, и клетками сетчатки наблюдающего глаза» [Gibson, 2010]. Действительно, паноптикон не предполагает соучастия наблюдаемых в наблюдении, они являются лишь пассивными объектами: «Каждый индивид находится на своем месте, надежно заперт в камере, откуда его видит надзиратель; но внутренние стены мешают обитателю камеры установить контакт с соседями. Его видят, но он не видит. Он является объектом информации, но никогда – субъектом коммуникации» [Фуко, 1999: 293]. В цифровой же реальности сама возможность наблюдения актуализируется только при условии совершения наблюдаемыми определенных действий. Например, они должны зарегистрироваться в социальной сети, осуществить покупку по банковской карточке, воспользоваться мобильным телефоном и т.п. Напротив, отсутствие подобных действий делает их в значительной мере невидимыми для цифрового наблюдения, превращает их в «не акторов». Как и власть, наблюдаемость приобретает дисперсный, «капиллярный» характер, она реализуется через микропрактики наблюдения, в создании которых соучаствуют сами наблюдаемые.

Помимо паноптикона (наблюдения «немногих за многими») в современном мире существуют и другие, противоположные ему разновидности наблюдения – синоптическое и социальное, имеющие отношение к характеристикам социального взаимодействия, опосредованного цифровыми технологиями. Понятие *синоптикон* – наблюдение «многих за немногими» – было предложено норвежским социологом Т. Матисеном [Mathiesen, 1997] и затем использовано З. Бауманом при описании трансформаций эпохи глобализации. Оба автора трактуют его как средство дисциплинарной власти, дополняющее паноптикон в эпоху развития массмедиа и глобализации. «“Синоптикон” по определению имеет глобальный характер; в ходе наблюдения наблюдатели “отрываются” от своей местности – переносятся, хотя бы мысленно, в киберпространство, где расстояние уже не имеет значения, даже если физически они остаются на месте. Уже не важно, перемещаются ли объекты действия синоптикона, превращенные теперь из наблюдаемых в наблюдателей, или нет. Где бы они ни были и куда бы ни направились, у них есть возможность – и желание – подключиться к экстерриториальной сети, позволяющей большинству наблюдать за меньшинством. Паноптикон насильно создавал ситуацию, когда за людьми можно было наблюдать. Синоптикону принуждать никого не нужно – он действует методом соблазна. При этом меньшинство, за которым наблюдают, проходит строгий отбор» [Бауман, 2004: 77–78]. Параллельно с фрагментацией аудитории традиционных медиа в эпоху развития технологий Web 2.0 происходит изменение системы наблюдения и надзора. Наблюдение, с одной стороны, интенсифицируется, а с другой, становится фрагментированным, дисперсным. С развитием Интернета синоптическое наблюдение также трансформируется: в число «немногих» – тех, за кем наблюдает большинство – отныне может попасть практически любой, кто размещает в сети информацию, способную привлечь внимание большого количества пользователей.

Социальное наблюдение (social surveillance) – наблюдение пользователей друг за другом на сайтах социальных медиа – может рассматриваться как форма включенного наблюдения, предполагающая добровольное участие в нем с обеих сторон [Marwick, 2012; Tokunaga, 2011]. По сути, речь идет о наблюдении «многих за многими». Изучение контента, создаваемого другими пользователями, как и взгляд на свой собственный контент глазами других, составляет рутинную черту использования социальных медиа. По мнению Э. Марвик, социальное наблюдение порождает паноптические эффекты (panoptic-type effects), а его основные отличия от традиционного наблюдения и от так называемого

sousveillance – наблюдения граждан за государством [Mann et al., 2003] – могут быть расположены вдоль трех осей: власть, иерархия и взаимность. Во-первых, социальное наблюдение требует концептуализации власти как присущей любому социальному взаимодействию, микроуровневой и децентрализованной, в противоположность ее дуалистической и модернистской форме. Во-вторых, оно происходит между индивидами, а не между институтами и индивидами, как в случае надзора государства за гражданами или отслеживания потребителей корпорациями. В-третьих, данный вид наблюдения характеризуется взаимностью: каждый участник размещает информацию, которую видят другие, и, в свою очередь, изучает информацию, размещаемую другими. При этом пользователей социальных медиа обычно больше волнует то, как их активность отслеживается членами их собственной социальной сети (друзьями, начальниками, родителями), чем то, что ее отслеживают корпорации или государство [Marwick, 2012: 379].

Обобщив современные тенденции в трансформации режимов наблюдения, Д. Лайон и З. Бауман сформулировали понятие *текущего наблюдения* (*liquid surveillance*) [Lyon, 2010; Lyon, Bauman, 2013]. Когда цифровые данные становятся частью систем наблюдения, последнее приобретает неограниченный, всепроникающий, повсеместный характер; оно распространяется на такие сферы, где раньше не присутствовало или занимало маргинальную позицию: «Текущее наблюдение представляется подходящей метафорой для описания современных режимов наблюдения, поскольку в современном мире оно не имеет одной определенной формы. Распространяясь, наблюдение постоянно изменяется, оно “ползет, просачивается и течет”, находится в движении, глобально и локально. Средства отслеживания мобильностей в XXI в. становятся глобальными» [Lyon, 2010: 330]. Одновременно с этим меняются и функции наблюдения: вместо удержания людей в одном месте, как в случае паноптикона, оно способствует канализации мобильности, превращается в инструмент селекции, разделения и исключения. Цифровизация наблюдения увеличивает возможности профилирования и категоризации, социальной сортировки, разделения, например, на тех, кто может свободно путешествовать, и тех, кто лишен подобной возможности: «Концепт текущего наблюдения схватывает такую особенность, как редуцирование тела к совокупности данных и создание данных-двойников, от которых наши жизненные шансы и выборы зависят больше, чем от нашей реальной жизни и тех историй, что мы рассказываем о ней» [Lyon, 2010: 325].

Изменение концепции наблюдения в социальных науках. Трансформируясь под влиянием цифровых технологий, наблюдение становится распределенным и всепроникающим. Оно требует соучастия наблюдаемых, действует не принуждением, а примером, опираясь на страх исключения, приобретает неиерархический характер и служит средством канализации мобильности. Цифровые данные радикально меняют сферу наблюдаемого и сам принцип наблюдения, делая наблюдаемыми те аспекты социальной реальности, которые раньше было невозможно увидеть. Параллельно с трансформацией режимов наблюдения происходит и изменение концепции наблюдения в социальных науках. Каждому виду наблюдения за действиями людей, существующему в реальности, соответствует особая эпистемологическая концепция наблюдения. Данные, доступные исследователям, определяют представления о сфере наблюдаемого и изучаемого, а научная методология конструируется с учетом потенциально доступных данных. Так, например, «социология общества» напрямую связана с доступностью статистических данных, а «социология мнения» – данных массовых опросов, и обе они исходят из классической концепции паноптического наблюдения, где исследователь занимает позицию «абсолютного наблюдателя». Это, в свою очередь, предполагает особую модель социальной реальности, центральная идея которой состоит в том, что наблюдаемая реальность должна быть определенным образом упорядочена, область наблюдения – ограничена в соответствии со стоящими перед наблюдателем задачами, а само наблюдение – структурировано. Именно так работают системы учета и контроля в модернистских обществах и традиционные методы сбора социологических данных, и именно такой модели наблюдения соответствуют основные теоретические языки описания

в социологии. Качественная социология, критикующая модель абсолютного наблюдателя, основывается на тех же постулатах, поскольку признает необходимость структурирования области наблюдения посредством мягких методов и тем самым придает ему иерархический характер – приоритет наблюдающего над наблюдаемыми в отборе признаков, имеющих значение для исследования.

Проект неиерархического наблюдения, организованного по принципу peer-to-peer, в 1930-х гг. пытались запустить британские исследователи под руководством Х. Уилкока [Willcock, 1943; Robinson, 1948]. Суть их *массового наблюдения* (mass observation) заключалась в следующем. Несколько сотен добровольцев подробно записывали все, что видели и слышали в определенный день, тем самым создавая снимок общественных настроений по самым разным аспектам общественной жизни. В те времена, однако, подобная модель социологического наблюдения не получила распространения по причине затратности проекта и неоднозначности его социально-политических импликаций, вызывавших ассоциации с массовой слежкой в интересах государства. Сегодня же Интернет открывает новые возможности для неиерархического наблюдения, позволяя миллионам людей заниматься своего рода «саморазоблачением», поощряемым и облегчаемым социальными сетями. Он значительно расширяет возможности профилирования потребителей за счет создания их детализированных профилей, включающих возраст, гендер, расу, индекс, доход, материальный статус, предпочтения и вкусы [Doyle, 2011: 294].

Поскольку с развитием цифровых технологий человеческая способность к наблюдению заменяется использованием разнообразных сенсоров и сигналов, то подходящей метафорой для обозначения нового характера наблюдения в социальных науках могло бы стать понятие *панспектрон*¹ (panspectron), предложенное М. Деланда [DeLanda, 1991; Деланда, 2014]. Панспектрон позволяет реорганизовать всю систему наблюдения. Размещение человеческих тел вокруг центрального наблюдателя (паноптикон) заменяется множеством сенсоров, датчиков, кабелей, размещенных повсеместно, фиксирующих всю поступающую информацию и аккумулирующих ее в своих компьютерах. Затем информация обрабатывается с помощью ряда фильтров, и выбираются данные, релевантные задачам наблюдения [Деланда, 2014: 299]. Панспектрон не отбирает отдельных индивидов и отдельные структурированные данные для наблюдения, осуществляющегося постоянно и повсеместно². Данные накапливаются и структурируются уже постфактум, в соответствии с конкретными задачами, что очень напоминает методы работы с Big Data. Если в модели паноптикона методы нужны для структурирования наблюдения, то в панспектроне они обеспечивают отбор релевантных наблюдений из неструктурированной массы собранных данных. Если первый предполагает априорное выделение категорий наблюдения, то есть априорное теоретическое моделирование, то второй опирается на дата майнинг – выявление значимых паттернов в хаосе данных.

Задача панспектронного наблюдения состоит в том, чтобы осуществлять мониторинг и предсказание различных паттернов поведения на основании неструктурированных данных. Оно не предполагает априорного выделения наблюдаемых параметров и категорий. Вместо этого осуществляется сбор всех доступных данных, из которых потом может производиться более целенаправленный отбор. Непосредственное наблюдение становится уделом технических средств, а за социологом закрепляется функция конструирования значений из доступных данных. Его прежняя позиция наблюдателя трансформируется в позицию практика, комбинирующего данные в соответствии с собственными целями и задачами. При этом проблема

¹ Впервые это понятие появляется в работе «Война в эпоху разумных машин» (1991), посвященной развитию военных технологий [DeLanda, 1991; Деланда, 2014]. В ней описывается механизм наблюдения с целью сбора разведывательной информации, позволяющий контролировать широкий диапазон частот спектра электромагнитного излучения и призванный заменить собой оптическое наблюдение.

² Примером осуществления наблюдения по описанной модели можно считать ситуации, когда люди дают согласие на сбор их персональных данных на определенных сайтах, в программах лояльности покупателей, системах геолокации и пр.

доступа к данным, который часто невозможен без специальных технических средств и прав, высвечивает такой аспект производства знания, как манипулирование ресурсами в сетях. Социологическое наблюдение приобретает распределенный характер, поскольку для полноценной работы с цифровыми данными появляется необходимость взаимодействовать со специалистами из других дисциплин, в первую очередь, из области компьютерных наук. В то же время данные, полученные с помощью цифровых инструментов наблюдения, рискуют остаться для социолога бессмысленным нагромождением сведений, если у него отсутствуют соответствующая теоретическая оптика и концептуальные инструменты, способные придать наблюдениям связность. Действительно, «данные не просто не могут быть собраны независимо от теории, но они также не способны и “говорить” сами за себя, без влияния предубеждений и моделей мышления человека» [Китчин, 2017: 124]. Получается, за изменением инструментов наблюдения и сферы наблюдаемого должна последовать трансформация концептуальной оптики, придающей наблюдениям смысл. Только в этом случае социологии удастся реализовать исследовательский потенциал, заложенный в цифровых данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. [Bauman Z. (2004) *Globalization. Consequences for Human and Society*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)]
- Деланда М. Война в эпоху разумных машин. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. [DeLanda M. (2014) *War in the Age of Intelligent Machines*. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. (In Russ.)]
- Девятко И.Ф. Онлайн исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности // Онлайн исследования в России 2.0. М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010. С. 17–30. [Devyatko I.F. (2010) Online Research and Methodology of Social Sciences: New Horizons, New (and Not So New) Difficulties. In: *Online Research in Russia 2.0*. Moscow: RITs «Severo-Vostok»: 17–30. (In Russ.)]
- Дудина В.И. Цифровые данные – потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 21–30. [Dudina V.I. (2016) Digital Data Potentialities for Development of Sociological Knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 21–30. (In Russ.)]
- Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. № 44. С. 111–152. [Kitchin R. (2017) Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. No. 44: 111–152. (In Russ.)]
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. [Foucault M. (1999) *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)]
- Boullier D. (2016) Big Data Challenges for the Social Sciences: From Society and Opinion to Replications. *arXiv.org*. July, 18. URL: <https://arxiv.org/abs/1607.05034> (accessed 15.04.2018).
- Burrows R., Savage M. (2014) After the Crisis? Big Data and the Methodological Challenges of Empirical Sociology. *Big Data & Society*. Vol. 1(1): 1–6.
- Collins R. (1994) Why the Social Sciences Won't Become High-consensus, Rapid Discovery Sciences. *Sociological Forum*. Vol. 9(2): 155–77.
- Corti L., Fielding N. (2016) Opportunities from the Digital Revolution: Implications for Researching, Publishing, and Consuming Qualitative Research. *SAGE Open*. Vol. 6(4): 1–13.
- DeLanda M. (1991) *War in the Age of Intelligent Machines*. New York: Zone Books.
- Doyle A. (2011) Revisiting the Synopticon: Reconsidering Mathiesen's 'the Viewer Society' in the Age of Web 2.0. *Theoretical Criminology*. Vol. 15(3): 283–299.
- Gibson W. (2010) Google's Earth. *New York Times*. August, 31. URL: <http://www.nytimes.com/2010/09/01/opinion/01gibson.html> (accessed 15.04.2018).
- Golder S., Macy M. (2014) Digital Footprints: Opportunities and Challenges for Online Social Research. *Annual Review of Sociology*. Vol. 40: 129–152.
- Halford S., Savage M. (2017) Speaking Sociologically with Big Data: Symphonic Social Science and the Future for Big Data Research. *Sociology*. June, 2: 1–18.
- Kitchin R. (2014) Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. *Big Data & Society*. Vol. 1(1): 1–12.
- Law J. (2009) Seeing Like a Survey. *Cultural Sociology*. Vol. 3(2): 239–256.
- Law J., Savage M., Ruppert E. (2011) The Double Social Life of Methods. *CRESO Working Paper Series*, Working Paper No. 95, Open University, March: 3–18.
- Law J., Urry J. (2004) Enacting the Social. *Economy and Society*. Vol. 33(3): 390–410.

- Lee R. (2000) *Unobtrusive Methods in Social Research*. Buckingham: Open University Press.
- Lewis K. (2015) Three Fallacies of Digital Footprints. *Big Data & Society*. July – December: 1–4.
- Lyon D. (2010) Liquid Surveillance: the Contribution of Zygmunt Bauman to Surveillance Studies. *International Political Sociology*. Vol. 4: 325–338.
- Lyon D., Bauman Z. (2013) *The Liquid Surveillance: A Conversation*. Oxford: Wiley.
- Mann S., Nolan J., Wellman B. (2003) Sousveillance: Inventing and Using Wearable Computing Devices for Data Collection in Surveillance Environment. *Surveillance & Society*. Vol. 1(3): 331–355.
- Marwick A. (2012) The Public Domain: Social Surveillance in Everyday Life. *Surveillance and Society*. Vol. 9(4): 378–393.
- Mathiesen T. (1997) The Viewer Society: Michel Foucault's 'Panopticon' Revisited. *Theoretical Criminology*. Vol. 1(2): 215–234.
- Mathiesen T. (2013) *Towards a Surveillant Society: the Rise of Surveillance Systems in Europe*. Hampshire, UK: Waterside Press.
- McFarland D., Lewis K., Goldberg A. (2016) Sociology in the Era of Big Data: the Ascent of Forensic Social Science. *The American Sociologist*. Vol. 47(1): 12–35.
- Osborne T., Rose N. (1999) Do the Social Sciences Create Phenomena? The Example of Public Opinion Research. *British Journal of Sociology*. Vol. 50(3): 367–396.
- Poster M. (1995) *The Second Media Age*. Cambridge: Polity Press.
- Robinson R. (1948) Progress in Mass Observation. *International Journal of Opinion and Attitude Research*. Vol. 2: 369–372.
- Ruppert E., Law J., Savage M. (2013) Reassembling Social Science Methods: the Challenge of Digital Devices. *Theory, Culture and Society*. Vol. 30(4): 22–46.
- Savage M., Burrows R. (2014) After the Crisis? Big Data and the Methodological Challenges of Empirical Sociology. *Big Data & Society*. April – June: 1–6.
- Savage M., Burrows R. (2007) The Coming Crisis of Empirical Sociology. *Sociology*. Vol. 41(5): 885–899.
- Tokunaga R.S. (2011) Social Networking Site or Social Surveillance Site? Understanding the Use of Interpersonal Electronic Surveillance in Romantic Relationships. *Computers in Human Behavior*. Vol. 27(2): 705–713.
- Willcock H. (1943) Mass Observation. *American Journal of Sociology*. Vol. 48: 445–446.

Статья поступила: 03.05.18. Принята к печати: 23.07.18.

FROM PANOPTICON TO PANSPECTRON: DIGITAL DATA AND TRANSFORMATION OF SURVEILLANCE REGIMES

DUDINA V.I.

Saint-Petersburg State University, Russia

Victoria I. DUDINA, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (viktoria_dudina@mail.ru).

Acknowledgements. The paper is funded by Russian Foundation for Basic Research (project 18-013-00726 A).

Abstract. The proliferation of digital data is a new challenge to sociological knowledge, requiring not only new methods, but also revision of conceptual sociological optics. Based on the idea of the role of observation tools in the development of scientific knowledge, the article focuses on the transition from the regime of panoptic surveillance as the leading principle of management and organization of disciplinary power in the social systems of modernity to the regime of fluid surveillance which takes place in the context of digital technology development and allows monitoring and predicting various social patterns based on unstructured data. Main types of surveillance regimes opposite to the panopticon are considered. The concept of synopticon identified by T. Mathiesen presupposes the observation of the few by the many typical for mass media. The concept of social surveillance presupposes the observation of each other through social media sites. These surveillance regimes characterize social interaction mediated by digital technologies and can be described by the metaphor of panspectron proposed by M. DeLanda. It is concluded that in the context of surveillance regimes transformation, effective use of the research capabilities provided by digital data is possible if the epistemological concept of observation in the social sciences is revised.

Keywords: digital data, panopticon, panspectron, liquid surveillance, synopticon, social surveillance, social life of methods.

Received: 03.05.18. Accepted: 23.07.18.